

В поисках Аляски

Автор:

Джон Грин

В поисках Аляски

Джон Грин

Никому, кроме собственных родителей, не интересный тощий Толстячок Майлз Холтер в романтическом поиске неизвестного, но непременно Великого «Возможно» переезжает в закрытую частную школу, где начинается настоящая жизнь: сигареты и вино, красотка Аляска и пышногрудая Лара, надежные друзья и не перестающие досаждать враги, где в воздухе витают новые идеи и чувства, где страшно жарко, но дышится полной грудью, где за пятки кусает страх – страх наказания за неповиновения правилам – и гонит вперед любовь и жажда счастья...

И с этим счастьем удастся соприкоснуться, но соприкоснуться всего лишь на миг, после чего приходится, едва оперившись, выходить во взрослую жизнь.

Джон Грин

В поисках Аляски

Copyright © John Green, 2005.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Dutton Children's Books a division of Penguin Young Readers Group, a member of Penguin Group (USA) Inc.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается моей семье: Сидни Грин, Майку Грину и Хэнку Грину.

«Я изо всех сил старался поступать правильно».

(последние слова президента Гровера Кливленда)

Прикол

Все расселись на спальниках, Аляска курила, выказывая полное пренебрежение к тому, что вся эта конструкция могла вспыхнуть с поразительной легкостью. Полковник достал один-единственный листок бумаги из принтера и зачитал:

– Смысл сегодняшнего праздника – раз и навсегда доказать, что мы – прирожденные приколисты, а выходники – не менее прирожденный отстой. К тому же у нас будет возможность подпортить жизнь Орлу, такое удовольствие пропустить нельзя. Так что сегодня... – он сделал паузу, словно в этот момент

должна была зазвучать барабанная дробь, – мы сражаемся на трех фронтах. Фронт первый: предприкол. Мы, по сути, буквально подпалим перья у Орла на заднице. Фронт второй: операция «Болди», в которой Лара в одиночку выполняет жестокую, но изящную карательную миссию, которую мог породить исключительно мой умище...

– Э... – перебила его Аляска, – вообще-то, это я придумала!

– Ну ладно, о'кей. Это придумала Аляска. – Он хохотнул. – И наконец, фронт третий: донесения. Мы взломаем школьную сеть, взлезем в базу данных по успеваемости, разошлем родственникам Кевина... и всем остальным тоже... сообщения о том, что их детишки по некоторым предметам отстают.

– Нас точно выпрут, – прокомментировал я.

– Я надеюсь, вы азиата с собой решили прихватить не потому, что он компьютерный гений. Это не про меня, – сказал Такуми.

– Не выпрут, а компьютерный гений – я. Все остальные нужны лишь в качестве рабочей силы и для отвода глаз... Мы просто учиним небольшой беспредел, типа того.

До

за сто тридцать шесть дней

ЗА НЕДЕЛЮ ДО ТОГО, как я уехал в пансион в Алабаме, оставив семью, Флориду и всю свою остальную детскую жизнь, мама настояла на том, что она закатит мне прощальную вечеринку. Ничего хорошего я от этого мероприятия не ждал – и это еще очень мягко сказано. Но меня все равно заставили пригласить своих «школьных друзей», то есть тот сброд, который тусовался в театральном кружке, и нескольких англичан отщепенцев, с которыми общественная необходимость заставляла меня сидеть в столовке нашей обычной школы.

Впрочем, я знал, что они не придут. Но мать моя была настойчива, пребывая в иллюзии, будто я все предыдущие годы умудрялся как-то скрывать от нее, что меня обожают вся школа. Она приготовила целую прорву артишокового соуса. Украсила гостиную желто-зелеными флажками – это были цвета той школы, в которую я переходил. Купила пару дюжин хлопушек, напоминающих бутылки с шампанским, и выставила их вдоль журнального столика.

И в самую последнюю пятницу, когда почти все вещи были собраны, в 16:56 они с папой (и со мной) сели на диван в гостиной, спокойно ожидая появления кавалерии, которая должна была примчаться, дабы пожелать юному Майлзу счастливого пути. Явившаяся кавалерия состояла ровно из двух человек: Мари Лосон, крошечной блондинки в прямоугольных очках, и ее коренастого (это чтобы его не обидеть) друга Уилла.

– Привет, Майлз, – усевшись сказала Мари.

– Привет, – ответил я.

– Как лето провел? – поинтересовался Уилл.

– Нормально. А сам?

– Тоже хорошо. Мы ставили «Иисуса Христа – суперзвезду». Я помогал с декорациями, Мари – с освещением, – рассказал он.

– Круто. – Я кивнул со знанием дела, и на этом, считай, все темы для разговора иссякли. Я мог бы расспросить об «Иисусе Христе», но я, во-первых, не знал, что это такое, и, во-вторых, не хотел знать, и, в-третьих, я вообще в светских беседах не силен. Зато моя мама может трепаться часами, поэтому она решила продлить сложившуюся неловкость расспросами о графике репетиций, о том, как прошел спектакль, как его восприняла публика.

– Я думаю, что все прошло хорошо. Народу, я думаю, было много. – Мари явно много думала.

Наконец Уилл вставил:

– Мы зашли ненадолго, просто чтобы попрощаться. Мари надо к шести проводить домой. Веселой тебе жизни в пансионе, Майлз.

– Спасибо, – с облегчением ответил я. Хуже вечеринки, на которую никто не пришел, может быть только вечеринка с двумя грандиозно и бесконечно занудными гостями.

Когда они ушли, я снова сел рядом с родителями и уставился на темный экран телевизора – мне захотелось его включить, но я понял, что этого сейчас лучше не делать. Я буквально ощущал, что и мама, и папа смотрят на меня, ожидая, что я вот-вот разревусь или типа того, как будто я не знал с самого начала, что все именно так и будет. Но я ведь знал. Я буквально кожей чувствовал их жалость, с которой они поедали чипсы с соусом, предназначенные для моих воображаемых друзей, но жалеть надо было скорее их самих, а не меня: я-то не столкнулся с разочарованием. Моим ожиданиям ситуация соответствовала.

– Майлз, ты поэтому хочешь уехать? – спросила мама.

Я подумал над этим пару секунд, не глядя на нее.

– М-м-м... нет, – ответил я.

– А почему же? – настаивала она. Мама уже не первый раз задавала мне этот вопрос. Ей не особо хотелось отпускать меня в пансион, и она этого не скрывала.

– Это из-за меня? – предположил папа.

Он сам учился в Калвер-Крике, в той школе, куда собирался я, а также оба его брата и все их дети. Мне кажется, ему приятно было думать, что я решил пойти по его стопам. Дяди рассказывали мне, что моего папу считали крутым все ребята в кампусе – за то, что он одновременно и буянил, как только мог, и учился на отлично по всем предметам. Его жизнь казалась интереснее того жалкого существования, которое я влачил во Флориде. Но нет, я хотел уехать не из-за него. Не совсем.

– Погодите, – сказал я и отправился в отцовский кабинет за биографией Франсуа Рабле.

Я любил читать биографии писателей, даже если (как оно и было в случае с месье Рабле) я не прочел ни единого другого их произведения. Я открыл книгу ближе к концу и нашел отмеченную маркером цитату. («НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДЕЛАЙ ПОМЕТОК В МОИХ КНИГАХ», – тысячу раз наставлял меня отец. Но как я иначе смогу найти то, что мне нужно?)

– Этот чувак, – начал я, остановившись в дверях гостиной, – Франсуа Рабле, он был поэтом. Его последние слова: «Иду искать Великое „Возможно“». Вот и я тоже. Хочу начать поиск уже сейчас, чтобы не пришлось дожидаться смерти.

Это родителей успокоило. Я отправлялся на поиски Великого «Возможно», а они не хуже меня знали, что с такими, как Уилл и Мари, я его не найду. Я снова плюхнулся на диван между ними, папа приобнял меня, и мы еще довольно долго сидели так вместе, молча, пока я наконец не почувствовал, что можно включить телик. Мы поужинали артишоковым соусом под какую-то историческую передачу, идущую по популярному каналу, так что в итоге это вышла определенно не самая ужасная прощальная вечеринка на свете.

за сто двадцать восемь дней

ВО ФЛОРИДЕ, КОНЕЧНО, БЫЛО И ЖАРКО, и влажно. Настолько жарко, что одежда липла к телу, как скотч, а пот лился со лба в глаза, как слезы. Но жара стояла только на улице, поэтому я перемещался перебежками из одного места с кондиционером в другое.

Однако я оказался совершенно не готов к небывалой жаре, которая встретила меня в Алабаме, в двадцати километрах к югу от Бирмингема, в пригостительной школе Калвер-Крик. Родители поставили наш внедорожник на газоне чуть ли не вплотную к стене моей комнаты в общежитии. Это была комната номер 43. Но все равно, когда я выходил к машине за вещами, яростное солнце жгло даже сквозь одежду, создавая у меня очень живое представление об адском огне.

Втроем мы разгрузили мои пожитки очень быстро, но в моей комнате, которая, к счастью, хотя бы оказалась в тени, кондиционера не имелось, так что там было ненамного прохладнее, чем на улице. Обстановка меня удивила: я навоображал

себе мягкий ковер, стены, обшитые деревянными панелями, мебель в викторианском стиле. А по факту, за исключением единственного предмета роскоши – личного санузла, – это была просто коробка. Стены из шлакоблока, покрытые многочисленными слоями белой краски, бело-зеленый линолеум в клетку – в общем, больше похоже на больничную палату, а не на общагу моей мечты. Прямо у окна стояла двухъярусная кровать из необработанного дерева с виниловыми матрасами. Столы, комоды и книжные полки крепились к стенам, чтобы мы не могли расставить все по собственному вкусу. И кондиционера не было. Я сел на нижний ярус кровати, а мама открыла чемодан, вытащила из него стопку биографий, с которыми папа согласился расстаться, и поставила их на полку.

– Мам, я сам могу разобрать вещи, – сказал я.

Папа не сядил. Он был готов ехать домой.

– Дай я хотя бы постель тебе застелю, – предложила мама.

– Да не нужно. Я справлюсь. Не беспокойся. – Такие вещи нельзя оттягивать целую вечность. В какой-то момент пластырь просто необходимо отодрать – больно, но потом все, и становится лучше.

– Господи, мы же будем так скучать, – сказала вдруг мама, шагая через чемоданы в сторону кровати, как по минному полю.

Я встал и обнял ее. Папа тоже подошел к нам, и мы сбились в кучку, как птички. Было чрезвычайно жарко, мы все вспотели, так что обниматься слишком долго не могли. Я понимал, что должен заплакать, но я прожил с родителями шестнадцать лет, и первое расставание получилось запоздалым.

– Не волнуйтесь. – Я улыбнулся. – Я враз насобачусь г'варить как местный.

Маму я рассмешил.

– Только глупостей не делай, – сказал папа.

– О'кей.

– Наркотики не пробуй. Не пей. Не кури. – Он-то в Калвер-Крике уже отучился и на себе опробовал такие забавы, о которых я только слышал: ходил на тайные вечеринки, нагишом носился по сенокосу (и вечно сокрушался по поводу того, что в те времена в пансионе были одни пацаны), плюс наркотики, бухло, курево. Курить он потом долго не мог бросить, но теперь те лихие времена остались далеко позади.

– Я тебя люблю, – выпалили они одновременно. Не сказать этого было нельзя, но мне стало жутко неловко – все равно что смотреть, как дедушка целует бабушку.

– И я вас люблю. Я буду звонить каждое воскресенье.

Телефонов у нас в комнатах не было, но по просьбе родителей меня поселили неподалеку от одного из пяти платных автоматов, установленных в моей новой школе.

Они снова обняли меня – сначала мама, потом папа, – и на этом мы распрощались. Я выглянул в окно и проводил взглядом джип, уезжавший из кампуса по петляющей дороге. Мне, наверное, следовало бы испытывать какую-нибудь сопливую сентиментальную грусть. Но я больше думал о том, что сделать, чтобы не было так жарко, взял стул, стоявший возле письменного стола, и сел в теньке возле двери под карнизом крыши в надежде, что подует ветерок, но так я его и не дождался. На улице воздух был так же неподвижен и тяжел, как и в комнате. Я принялся осматривать свое новое пристанище: шесть одноэтажных строений, по шестнадцать спален в каждом, стояли шестиугольником вокруг большой поляны. Слово старый мотель гигантского размера. Передо мной ходили мальчишки и девчонки: они обнимались, улыбались друг другу, просто шли куда-то вместе. Я немного надеялся, что кто-нибудь подойдет и заговорит со мной. Я даже представил себе этот наш разговор.

– Привет, ты тут только первый год будешь учиться?

– Да, ага. Я из Флориды.

– Круто. Значит, к жаре тебе не привыкать.

– Я же не из Аида, – пошутил бы я. Я сумею произвести хорошее впечатление. Он прикольный. Этот Майлз отвязный чувак.

Но этого, разумеется, не произошло. Жизнь никогда не соответствовала моим фантазиям.

Мне стало скучно, и я вернулся в комнату, снял рубашку, лег на раскаленный виниловый матрас на нижней полке и закрыл глаза. Перерождение в религиозном смысле, с крещением и слезами очищения, – не для меня, а вот переродиться и стать человеком без прошлого – лучше и быть не может. Я стал вспоминать людей, о которых я читал и которые побывали в подобных пансионах: Джона Ф. Кеннеди, Джеймса Джойса, Хамфри Богарта, а также их приключения – Кеннеди, например, был большим приколистом. Потом я мысленно вернулся к Великому «Возможно» и к тому, что могло меня ожидать в этой школе, к людям, с которыми я мог познакомиться; задумался и о том, каким может оказаться мой сосед (за несколько недель до этого мне пришло письмо, в котором говорилось, что его зовут Чипом Мартином, но больше я ничего не знал). Кем бы этот Чип Мартин ни оказался, я молился Богу, чтобы он притащил с собой кучу вентиляторов максимальной мощности – я-то ни одного не взял, а вокруг меня на матрасе уже образовалась лужица пота, от чего меня охватило такое омерзение, что пришлось бросить свои размышления и оторвать от кровати задницу, найти полотенце и вытереть пот. А потом я подумал: Сначала надо вещи разобрать, а потом уж все приключения.

Приклеив на стену скотчем карту мира и убрав почти всю одежду в комод, я заметил, что от такого горячего и влажного воздуха вспотели даже стены, и решил, что это определенно не время для физического труда. Пришла пора принять восхитительный ледяной душ.

В маленькой ванной комнате за дверью висело огромное зеркало в полный рост, так что избежать лицезрения собственной наготы, когда я наклонился, чтобы открыть кран, мне не удалось. Меня всегда удивляла моя худоба: плечи диаметром не сильно отличались от запястий, в области грудной клетки не было ни жира, ни мускулатуры. В общем, от этой своей неприязни я принялся думать, нельзя ли сделать что-нибудь с зеркалом. Отодвинув белую, как простыня, занавеску, я прыгнул в душевую кабинку.

К сожалению, она оказалась спроектирована для человека ростом примерно один метр одиннадцать сантиметров, так что струя холодной воды ударила меня

под ребра – целых несколько капель. Чтобы умыть залитое потом лицо, мне пришлось расставить ноги и присесть пониже. Уж Джонну Кеннеди (в котором был метр восемьдесят три сантиметра, точно как и во мне) наверняка так в своем пансионе присаживаться не приходилось. Нет, у меня тут совсем другой мир. И пока водичка из душа тихонько капала на мое потное тело, я думал о том, найду ли я здесь то самое Великое «Возможно» или же я глобально просчитался.

Когда, помывшись, я обернул бедра полотенцем и открыл дверь, я увидел невысокого мускулистого пацана с копной каштановых волос. Он затаскивал в мою комнату огромный туристический рюкзак защитного цвета. В нем было полтора метра без кепки, но сложением он отличался завидным, как Адонис в миниатюре. Вместе с ним в комнате появился несвежий запах курева. Отлично, подумал я. С соседом придется знакомиться нагишом.

Он втащил рюкзак, закрыл дверь и подошел ко мне.

– Я Чип Мартин, – грудным голосом, как у радио-диджея, объявил он. И, прежде чем я успел ответить, добавил: – Я пожал бы тебе руку, но тебе, наверное, лучше покрепче держать полотенце, пока ты чего-нибудь не наденешь.

Я рассмеялся и кивнул – круто, да? кивнуть в такой ситуации – и сказал:

– А я Майлз Холтер. Рад встрече.

– Майлс? Как «много миль еще пройти»? [1 - Шутка основана на том, что имя героя Miles созвучно слову «мили» на английском языке.] – спросил он.

– А?

– Это строчка из стихотворения Роберта Фроста. Ты его не читал, что ли?

Я отрицательно покачал головой.

– Считаю, что тебе повезло. – И он улыбнулся.

Я схватил чистые трусы, голубые футбольные шорты «Адидас» и белую майку, пробормотал, что буду через секунду, и снова скрылся в ванной. Произвел

впечатление так произвел.

– А родоки твои где? – крикнул я из ванной.

– Родоки? Отец сейчас в Калифорнии. Сидит, наверное, штаны протирает в своем кресле от «Лэ-Зи-Бой». Или за рулем своего грузовика. Но, в любом случае, он бухает. А мама сейчас, наверное, как раз из кампуса выезжает.

– А... – выдавил я, уже одетый, не зная, как реагировать на столь интимные подробности. Наверное, и спрашивать не следовало, если мне не хотелось такого знать.

Чип забросил пару простыней на верхнюю полку:

– Я предпочитаю сверху. Надеюсь, ты не в обиде.

– Не. Мне без разницы.

– Вижу, ты тут красоту навел, – заметил он, показывая на карту мира. – Мне нравится.

И начал вдруг перечислять названия стран. Монотонно, как будто уже не первый раз это делает.

Албания.

Алжир.

Американское Самоа.

Андорра.

Афганистан.

И так далее. Только покончив со странами на «а», он поднял взгляд и увидел мое замешательство.

– Могу и продолжить, но тебе, наверное, будет скучно. Я за лето выучил. Бог мой, ты и представить себе не можешь, какая у нас там в «Новой Надежде» скучища. Все равно что сидеть и наблюдать за тем, как растет соя. Ты сам, кстати, откуда?

– Из Флориды, – ответил я.

– Не бывал там.

– Вообще впечатляет. Твои познания в области географии, – сказал я.

– Ага, у каждого человека есть какой-то талант. Я все легко запоминаю. А ты?..

– М-м-м... а я знаю последние слова многих известных людей. У кого-то слабость к конфетам, у меня – к предсмертным заявлениям.

– Например?

– Ну, вот Генрик Ибсен хорошо сказал. Драматург. – Об Ибсене я много знал, но не прочел ни единой его пьесы. Пьесы я читать не любил. Я любил биографии.

– Да мне известно, кто это, – сказал Чип.

– Ага, ну вот, он какое-то время болел, и как-то сиделка ему говорит: «Похоже, вам сегодня лучше», а Ибсен посмотрел на нее, сказал: «Наоборот» – и умер.

Чип рассмеялся:

– Жуть. Но мне нравится.

Мой сосед рассказал мне, что он уже третий год в Калвер-Крике, с девятого класса, а, поскольку мы с ним одноклассники, теперь будем учиться вместе. Признался, что получает стипендию. Спонсируется по полной программе. Он услышал, что это лучший пансион в Алабаме, подал документы и написал в сопроводительном письме, что ему очень хотелось бы, чтобы его взяли в школу, где можно будет читать толстые книги. Проблема в том, писал он, что дома отец

постоянно бьет его книгами по голове, поэтому он в целях безопасности приносит домой только тоненькие книжки в мягкой обложке. На втором году его обучения родители Чипа развелись. Ему «Крик», как он его называл, нравился. Но «тут надо быть осторожным – и с другими учениками, и с учителями. А я реально терпеть не могу осторожность». Он ухмыльнулся. Я тоже ненавижу осторожничать – по крайней мере, мне хотелось это ненавидеть.

Рассказывал он мне все это, потроша свой рюкзак и без разбору бросая в комод одежду. Чип не считал нужным раскладывать носки в один ящик, майки – в другой. Он верил в равноправие ящиков и пихал в них все, что лезло. Моя мама умерла бы, увидев такое.

Закончив «разбирать» вещи, Чип с силой ударил меня по плечу, сказав: «Надеюсь, ты сильнее, чем кажешься», и вышел из комнаты, даже не закрыв за собой дверь. Через несколько секунд снова показалась его голова, и он увидел, что я не сдвинулся с места.

– Ну же, Майлз-Много-Миль Холтер. У нас еще дел до фи́га.

Мы направились в комнату, где стоял телик, – по словам Чипа, больше нигде во всем кампусе кабельного не было. Летом эта комната служила складом. Ее почти до потолка забили диванами, холодильниками, свернутыми коврами, и сейчас она кишела школьниками, которые пытались отыскать и вытащить оттуда свои вещи. Чип с кем-то здоровался, но меня никому не представлял. Он ходил по диванному лабиринту, а я встал у двери, стараясь изо всех сил не мешать ребятам, которые парами вытаскивали мебель через узкий проход.

Чип нашел свои вещи за десять минут, и еще час мы таскали их в комнату – от комнаты с теликом до сорок третьей мы сходили четыре раза. К тому времени, как мы закончили, мне захотелось забраться в мини-холодильник Чипа и проспать там тысячу лет, но у него самого, похоже, был иммунитет и к усталости, и к разрыву сердца. Я сел на его диван.

– Я нашел его пару лет назад у себя в районе на обочине, – сообщил он по поводу дивана, укладывая мою «Сони-плейстейшн» на свои кроссовки. – Кожа в паре мест потрескалась, но, блин, диван-то офигенно хорош.

На диване не просто имелась пара трещин – на тридцать процентов это был нежно-голубой кожзам, а остальные семьдесят истерлись в губку, но мне он тоже все равно казался офигенным.

– Ладно, – сказал Чип. – Почти все. – Он подошел к своему столу и вынул из ящика серебристую клейкую ленту. – Понадобится твой чемодан.

Я встал, вытащил его из-под кровати, а Чип положил его между диваном и приставкой и начал отрывать тонкие полоски клейкой ленты. Он наклеил на чемодан надпись: «ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК».

– Вот. – Он сел и положил ноги на... м-м-м... журнальный столик. – Теперь совсем все.

Я сел рядом, Чип посмотрел на меня и вдруг сказал:

– Слушай. Я тебя вводить в общество Калвер-Крика не буду.

– Э-э... ладно, – выдавил я, хотя слова и застревали в горле. Я же тащил его диван под раскаленным палящим солнцем, а он теперь заявляет, что я ему не нравлюсь?

– По большому счету, тут две группировки, – объяснил он, и уровень серьезности в его голосе повысился. – Есть обычные пансионеры вроде меня, и есть выходники; они харчуются здесь, но все они – дети богачей из Бирмингема, на выходные уезжают в свои особняки и лежат там под кондиционерами. Это крутые ребята. Мне они не нравятся, так что если ты прибыл сюда с мыслью, что если ты был суперпуперхреном в бесплатной школе, то будешь суперпуперхреном и тут, то пусть лучше тебя со мной не видят. Ты же ходил в бесплатную школу?

– Э-э... – ответил я. И рассеянно принялся расковыривать диван, зарываясь пальцами в белую мочалку.

– В бесплатную, потому что, если бы ты учился в частной, у тебя бы шорты так по-уродски не сползали. – Он рассмеялся.

Я не натягивал резинку выше бедер, потому что думал, что это круто. Наконец я ответил:

– Да, я ходил в бесплатную. И я не был суперпуперхреном. Просто обычным хреном. С горы.

– Ха! Отлично. И Чипом меня не называй. Зови меня Полковником.

Я едва не заржал:

– Полковником?

– Ага. Полковником. А тебя мы будем звать... хммм... Толстячком.

– Чего?

– Толстячком, – повторил Полковник. – Потому что ты тощий. Это называется «ирония», Толстячок. Слышал про такое? Ну, пойдем, сигарет добудем и как следует начнем новый учебный год.

Он вышел из комнаты, снова полагая, что я пойду за ним, и на этот раз я так и сделал. Солнце милосердно опускалось к горизонту. Миновав пять дверей, мы добрались до комнаты 48. К двери клейкой лентой крепилась белая доска для записей. На ней синим маркером было написано: «Аляска одна!»

Полковник объяснил мне: во-первых, это комната Аляски; во-вторых, она осталась в комнате одна, потому что девчонку, которая должна была с ней жить, в конце прошлого года выперли, и, в-третьих, у Аляски есть сигареты, хотя Полковник и не подумал спросить, в-четвертых, курю ли я, а я, в-пятых, не курил.

Он стукнул в дверь один раз, но громко. С той стороны раздался вопль:

– Ну входи же, коротышка, я тебе кое-что жутко интересное расскажу.

Мы вошли. Я повернулся, чтобы закрыть за собой дверь, но Полковник покачал головой и сказал:

– Если ты находишься в комнате у девчонки после семи, дверь положено оставлять открытой.

Однако я эти его слова едва уловил, потому что передо мной стояла самая сексапильная красотка во всей истории человечества, в обрезанных джинсах и топике цвета персика. Ее рассказ заглушил голос Полковника: говорила она громко и быстро:

– Так вот, первый день лета, дело все происходит в крутом местечке под названием Вайн-Стейшн, мы с Джестином у него дома, сидим на диване, телик смотрим, а ты не забывай, я уже с Джейком встречаюсь, честно говоря, каким-то чудесным образом мы с ним вместе до сих пор, а с Джестином мы дружим с детства, – ну вот, мы смотрим телик и буквально болтаем о тестах или типа того, и тут Джестин вдруг обнимает меня, и я такая думаю: Отлично, мы давно дружим, и все как надо, мы продолжаем трепаться, и вдруг посреди моей фразы про аналогии или что-то еще в таком же духе он кидается на меня, как ястреб, и сжимает мою сиську. Как КЛАКСОН. Крепко хватается и держит секунды две-три. И я первым делом думаю: Так, как бы убрать его лапу со своей сиськи, пока он своими когтями на ней следов на веки вечные не оставил?, а вторым делом: Боже, поскорей бы рассказать об этом Такуми и Полковнику.

Полковник рассмеялся. У меня просто глаза на лоб полезли: отчасти я был ошеломлен мощностью голоса этой миниатюрной (зато с какими формами, боже) девушки, а отчасти – обилием книг в ее комнате. Ее библиотека не просто заполнила все полки, у стен тоже там и сям стояли стопки книг высотой мне по пояс. Я подумал, что, если бы хотя бы одна из них повалилась, сработал бы эффект домино, и литература задавила бы нас всех.

– А это что за чувак, которого моя дико забавная история даже не рассмешила? – спросила она.

– А... да. Аляска, это Толстячок. Он запоминает предсмертные изречения всяких великих людей. Толстячок, это Аляска. Этим летом ее пощупали за сиську.

Она подошла ко мне, протягивая руку, и в самый последний момент сдернула с меня шорты:

– Это же самые гигантские шорты во всей Алабаме!

– Я не люблю в обтяжку, – смущенно ответил я и натянул их обратно. Во Флориде это считалось модным.

– Что-то я как-то слишком часто вижу твои окорока, – с невозмутимым лицом прокомментировал Полковник. – Слушай, Аляска. Продай нам сигарет. – После чего Полковник каким-то образом уговорил меня заплатить пять баксов за пачку «Мальборо лайтс», курить которые я совершенно не намеревался. Потом он позвал Аляску с нами, но она отказалась.

– Мне надо найти Такуми, тоже рассказать ему про «клаксон». – Она повернулась ко мне и спросила: – Ты его видел?

Я и понятия не имел, видел ли я Такуми, я ведь вообще не знал, кто он такой. И я просто покачал головой.

– Лады, тогда увидимся на озере через несколько минут.

Полковник кивнул.

Мы сели на деревянные качели на берегу, прямо перед песчаным пляжем (Полковник сказал, что он искусственный). Я вымученно пошутил:

– Только за сиську меня не хватай.

Полковник делано посмеялся и спросил:

– Сигаретку хочешь?

Раньше я даже не пробовал курить. Но с кем поведешься...

– А тут не опасно?

– Опасно, – признался Полковник, закурил и передал сигарету мне.

Я затаился. Закашлялся. Начал задыхаться. Ловить ртом воздух. Снова закашлялся. Подумал, не блевануть ли. Схватился за сиденье качелей, голова кружилась, бросил сигарету на землю и раздавил ее, убежденный в том, что мое Великое «Возможно» никакого курева не подразумевало.

- Накурился? - рассмеялся он, а потом показал на белую точку на поверхности озера и спросил: - Видишь?

- Да, - ответил я. - Что это? Птица какая-то?

- Лебедь, - пояснил он.

- Ого. Лебедь при пансионе. Ничего себе.

- Этот лебедь - сатанинское отродье. Ближе, чем сейчас, к нему не подходи.

- Почему?

- У него с людьми какие-то сложности. С ним раньше то ли обращались плохо, то ли еще что. Он тебя в клочья раздерет. Его туда Орел поселил, чтобы мы не ходили курить на тот берег.

- Орел?

- Мистер Старнс. Кодовая кличка Орел. Зав по воспитательной работе. Многие преподаватели живут в кампусе и могут, если что, прижучить, но дом Орла стоит рядом с общагами, и он видит вообще все. А табачный запах за семь километров чует.

- Вон там? - спросил я, показывая на дом. Хотя уже стемнело, его очертания были явно различимы, следовательно, и нас, наверное, тоже можно было увидеть из окна.

- Его, но блицкриги начнутся только с началом учебного года, - Чип казался беспечным.

– Господи, если я вляпаюсь в какие-нибудь неприятности, родители меня убьют, – сказал я.

– Я подозреваю, что ты преувеличиваешь. Хотя, поверь мне, неприятности у тебя будут. Но в девяноста пяти процентов случаев твои родоки об этом не узнают. Тут же никому не надо, чтобы они думали, будто именно в этой школе ты стал раздолбаем, точно так же, как тебе самому не надо, чтобы они поняли, что ты – раздолбай. – Чип энергично выпустил тонкую струйку дыма в сторону озера. Я должен был признать: со стороны курильщик выглядит круто. Выше как-то, что ли. – Но, в любом случае, если вляпаешься в неприятности, ни на кого не стучи. Ну, то есть я, например, ненавижу здешних богачей с той же страстью, какую стараюсь сберечь для зубных врачей и отца, но доносить на них все же не буду. Пожалуй, это единственное, что следует хорошенько усвоить: ни в коем случае, никогда и ни за что не стучи.

– Хорошо, – согласился я, хотя и задумался: Если мне кто-нибудь по лицу даст, мне надо будет всех уверять, что я на косяк налетел? Глуповато как-то, по моему. Что же делать со всякими уродами и хулиганьем, если не можешь им ничем насолить? Но Чипа я спрашивать об этом не стал.

– Ладно, Толстячок. Настал тот момент, когда я обязан пойти и найти свою подружку. Так что дай мне еще несколько сигарет – ты наверняка все равно их сам не скуришь, – и увидимся позже.

Я решил еще немного посидеть на качелях, отчасти потому, что жара наконец спала градусов до двадцати семи и стало полегче, хотя все равно было слишком влажно, а отчасти потому, что ждал, не появится ли Аляска. Но почти сразу после того, как ушел Полковник, на меня накинудись насекомые; многочисленные комары-звонцы (хотя их визг звоном назвать сложно) и комары-кровососы так энергично махали крылышками, что издаваемый при этом тонкий писк сливался в жуткую какофонию. Тогда я решил закурить.

Нет, я серьезно думал, что дым разгонит насекомых. В какой-то мере так оно и вышло. Я, конечно, совру, если скажу, что стал курильщиком только ради того, чтобы ко мне не приставали комары. Я стал курильщиком, потому что, во-первых, я один сидел на качелях, и, во-вторых, у меня были под рукой сигареты, и, в-третьих, я подумал, что если все курят и не кашляют, то я тоже, черт возьми, так могу. Короче говоря, веских причин у меня не было. Так что да, давайте выберем в-четвертых: во всем виноваты насекомые.

Я умудрился сделать целых три затяжки, прежде чем меня затошнило, закружилась голова и все довольно приятно поплыло перед глазами. Я решил, что пойду, и встал. И услышал за спиной голос:

- Так ты правда запоминаешь последние слова всяких людей?

Аляска подлетела ко мне, схватила за плечо и толкнула так, что я снова сел на качели.

- Ага, - ответил я, а потом, после некоторого колебания, добавил: - Хочешь проверить?

- Джон Кеннеди.

- Это же очевидно, - ответил я.

- Да неужели? - спросила она.

- Нет. Это были его последние слова. Кто-то сказал ему: «Господин президент, как вы можете говорить, что в Далласе вас не любят», а он ответил: «Это же очевидно», а потом его пристрелили.

Она рассмеялась:

- Боже, ужас какой. Над этим нельзя смеяться. Но я буду, - сказала она и снова расхохоталась. - Ладно, Мистер ЗнатоК Предсмертных Заявлений. У меня для тебя кое-что есть. - Она открыла свой набитый рюкзак и вытащила оттуда книжку. - Габриэль Гарсия Маркес. «Генерал в своем лабиринте». Однозначно одна из моих самых любимых. Про Симона Боливара. - Я понятия не имел, кто такой Симон Боливар, но спросить не успел. - Исторический роман, так что не знаю, правда в этой книге написана или нет, но знаешь, что он сказал перед смертью? Не знаешь. Но я тебе сейчас расскажу, Сеньор Последние Слова.

После этого Аляска закурила и с такой невероятной силой затянулась, что я подумал: сгорит за одну затяжку. Выпустив дым, она продолжила:

– Его – то есть этого Симона Боливара – потрясло осознание того факта, что безудержная гонка между его несчастьями и мечтами уже вышла на финишную прямую. А дальше – тьма. «Черт возьми, – вздохнул он. – Как же я выйду из этого лабиринта?!»

Уж я-то мог отличить стоящие предсмертные слова от всякой ерунды, так что я велел себе не забыть отыскать биографию этого Симона Боливара. Его последнее высказывание показалось мне прекрасным, хотя я и не совсем его понял.

– А что это за лабиринт такой? – спросил я у Аляски.

Сейчас вполне уместно рассказать, какой она была красавицей. Хотя об этом я могу говорить когда угодно. Она стояла в темноте рядом со мной, от нее пахло потом и солнечным светом. В ту ночь в небе висел тонкий месяц, я видел только ее силуэт, и лишь когда она курила, маленький красный огонек сигареты освещал ее лицо. Но пронизывающие изумрудные глаза Аляски светились даже в темноте. Этот взгляд заражал тебя готовностью поддержать ее в любом начинании. К тому же она была не просто красива, но еще и дико сексуальна – ее груди натягивали топик, точеные ноги изящно свисали с качелей, покачиваясь взад-вперед, а под веревочками шлепанцев светились накрашенные голубым лаком ногти. Именно тогда, между моим вопросом про лабиринт и ее ответом, я осознал, насколько важны эти волнующие изгибы, те места, где очертания девичьего тела плавно перетекают от свода стопы к щиколотке и далее к икре, от икры к бедру, к талии, к груди, к шее, к безупречно ровному носу, ко лбу, к плечу, потом дуга идет к самой заднице и т. д. Я раньше эти изгибы замечал конечно же, но толком не осознавал их великого значения.

Губы Аляски были так близко, что я почувствовал ее дыхание, даже более горячее, чем вечерний воздух, когда она сказала:

– Загадка, да? Лабиринт – это жизнь или смерть? От чего он бежал – от этого мира или от его возможного конца?

Я ждал, что она продолжит, но через какое-то время стало ясно, что Аляска ждет ответа.

– М-м-м... не знаю, – наконец проговорил я. – А ты прямо все прочитала, что у тебя в комнате?

Аляска рассмеялась:

– Бог мой, нет, конечно. Только треть, наверное. Но собираюсь прочесть все. Я называю это Библиотекой своей жизни. С самого детства я каждое лето ходила по гаражным распродажам, собирая все книги, которые меня хоть чем-то заинтересовали. Так что в моей жизни не бывает таких моментов, когда почитать нечего. Хотя у меня вообще реально много дел: сигареты, секс, качели. Когда состарюсь и стану занудой, смогу уделять литературе побольше времени.

Еще она сказала, что я напоминаю ей Полковника, когда он только приехал в Калвер-Крик. Они поступили в одном и том же году, оба на стипендии, и, как она выразилась, у них «нашлись общие интересы – бухло и бесчинства». Эти вот «бухло и бесчинства» заставили меня заподозрить, что я попал в «плохую компанию», как это называла моя мама, но все же, по-моему, эти двое были слишком уж умны для «плохой компании». Аляска прикурила следующую сигарету от предыдущей и сообщила, что Полковник был умен, но до того времени, как он приехал в этот пансион, жизни еще не повидал.

– Я эту проблему быстро решила. – Она улыбнулась. – К ноябрю, благодаря мне, он уже завел свою первую подружку, абсолютно милейшую невыходничку по имени Джанис. Через месяц, правда, он ее бросил, потому что у него нищевродство в крови, и она оказалась для него слишком богатой, но неважно. И мы в том же году организовали наш первый прикол – засыпали пол в четвертой аудитории тонким слоем шариков из марблс. С тех пор, конечно, мы немного продвинулись. – Аляска засмеялась.

Так Чип стал Полковником – он составлял планы всех шальных операций, словно настоящий военный, а Аляска всегда была Аляской – неиссякаемым творческим источником, питавшим все проделки.

– Ты тоже умный, – сказала она. – Хотя поспокойнее. И посимпатичнее, хотя этого я не говорила, потому что я люблю своего парня.

– Да, ты тоже ничего, – сказал я. Меня от ее комплимента просто распирало. – Но я этого тоже не говорил, потому что люблю свою подружку. Хотя погоди. Точно.

У меня же нет никого.

Аляска снова рассмеялась:

– Не переживай, Толстячок. Если я что и могу для тебя сделать, так это найти тебе девчонку. Давай заключим сделку: ты узнаешь, что это за лабиринт такой и как из него выбраться, а я найду тебе, с кем потрахаться.

– Договорились. – И мы скрепили сделку рукопожатием.

Некоторое время спустя мы шли бок о бок в сторону общаг. Цикады стрекотали на одной ноте, как и дома, во Флориде. Мы шли впотьмах, и Аляска вдруг повернулась ко мне и спросила:

– Бывает такое, что тебе в темноте вдруг становится жутко стремно и появляется желание рвануть домой со всех ног, хотя это и глупо и будет нелепо выглядеть со стороны?

В целом я считаю подобные чувства слишком личными и не готов выдавать такие тайны практически незнакомым людям, но ей я признался:

– Ага, бывает.

Секунду она молчала. А потом схватила меня за руку и прошептала:

– Бежим-бежим-бежим. – И понеслась вперед, таща меня за собой.

за сто двадцать семь дней

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ОБЕДА я вешал на дверь постер с репродукцией Ван Гога, и отчаянно моргал, пытаясь не дать стекающему со лба поту попасть в глаза. Полковник сидел на диване, комментировал, как надо поправить, и параллельно отвечал на мои нескончаемые вопросы об Аляске. Расскажи о ней.

«Она из Вайн-Стейшн. Ты бы проскочил мимо этой деревни, даже не заметив ее, и, насколько я понял из Аляскиных рассказов, именно так и следует делать. Ее парень учится в Вандербильте, тоже на стипендии. Играет в какой-то группе на бас-гитаре. Про ее родственников почти ничего не знаю». Значит, он ей реально нравится? «Думаю, да. Она ему не изменяла, а это, наверное, первый признак». И так далее. Все утро я больше ничем заинтересовать себя не мог: ни постером Ван Гога, ни приставкой, ни даже расписанием уроков, которое как раз в тот день повесил Орел. Он меня приветствовал:

– Мистер Холтер, добро пожаловать в Калвер-Крик. Ученикам нашего пансиона во многих вопросах предоставляется свобода действий. Если вы будете ею злоупотреблять, вы об этом пожалеете. Мне вы кажетесь достойным молодым человеком. Я буду очень опечален, если придется с вами попрощаться.

И уставился на меня так, что я не понял – то ли он был очень серьезен, то ли всерьез коварен. Когда Орел ушел, Полковник сообщил:

– Аляска называет это Роковым Взглядом. Если он еще раз так на тебя посмотрит, считай, тебя выперли. Ладно, Толстячок, – добавил Полковник, когда я сделал шаг назад и взглянул на постер. Не совсем ровно, но почти. – Хватит уже про Аляску. По моим подсчетам, у нас в школе девяносто две девчонки, и все они без исключения куда менее чокнутые, чем Аляска, у которой, кстати, уже есть парень. Я пойду обедать. Сегодня у нас по графику жарито. – И он вышел, не закрыв за собой дверь.

Я чувствовал себя идиотом, окончательно утратившим рассудок. Я встал, чтобы закрыть дверь.

Полковник, который уже прошел полкоридора, обернулся:

– Боже ж ты мой, ты идешь или как?

Про Алабаму можно много плохого наговорить, но обвинить жителей этого штата в неразумном страхе перед жаркой во фритюре было бы в корне неверно. Шла первая неделя моего пребывания в Калвер-Крике, а в столовке уже подали жаренную во фритюре курицу, жаренный во фритюре куриный шницель, жареную окру[2 - Окра (иначе – бамия) – овощная культура, стручки, по вкусу среднее между баклажаном и спаржей.]; я впервые с таким рвением накинулся

на жареные овощи – это оказалось безумно вкусно. Я уже был готов даже к тому, что здесь поджарят и зеленый салат. Но оказалось, что это все не могло сравниться с жарито – это блюдо изобрела Морин, поразительно (хотя и объяснимо) тучная повариха Калвер-Крика. Жарито, или обжаренное во фритюре буррито с фасолью, не оставит у вас никаких сомнений в том, что любое блюдо в жареном виде однозначно лучше. В тот день, сидя в столовке за круглым столом с Полковником и пятью незнакомыми мне ребятами, я впился зубами в хрустящую корочку первого в своей жизни жарито и испытал кулинарный оргазм. Моя мама нормально готовит, но мне тут же захотелось взять с собой Морин домой на Рождество.

Полковник представил меня (Толстячка) пацанам, сидевшим с нами за неустойчивым деревянным столом, но я отреагировал только на имя Такуми – про него вчера говорила Аляска. Это был худенький японец, всего на несколько сантиметров выше Полковника, он говорил что-то с набитым ртом, в то время как я пережевывал свое жарито медленно, смакуя каждый кусочек этой бобовой хрустяшки.

– Боже мой, – сказал Такуми, – смотреть на человека, который впервые в жизни вкусил жарито, – одно сплошное удовольствие.

Я почти все время молчал – отчасти потому, что меня никто ни о чем не спрашивал, а отчасти потому, что я хотел есть, пока не лопну. Но Такуми такой сдержанностью не отличался – он мог говорить, жевать и глотать одновременно, и делал это, не теряя времени.

Беседа за обедом вращалась вокруг Марьи, девчонки, которая должна была жить с Аляской, и ее парня Пола, одного из выходников. Я понял, что их вытурили в самую последнюю неделю прошлого учебного года за, как выразился Полковник, «трифект» – их застали за совершением одновременно трех преступлений, карающихся в Калвер-Крике исключением из школы. Когда ворвался Орел, они лежали в одной постели голые («генитальный контакт» – преступление № 1), пьяные (№ 2) и раскуривали косяк (№ 3). Ходили слухи, что кто-то на них настучал, и Такуми, похоже, намеревался выяснить, кто это был, – так намеревался, что орал об этом на всю столовую с набитым жарито ртом.

– Пол, конечно, урод, – высказался Полковник. – Я бы на них не стукнул, но, если спишь с выходником, типа ездящего на «ягуаре» Пола, считай, ты это заслужила.

– Щюуувак, – возразил Такуми, – да ты фам... – он наконец проглотил то, что было у него во рту, – гуляешь с выходницей.

– Точно. – Полковник рассмеялся. – К моему огорчению, это неопровержимый факт. Но она не такая мерзкая, как Пол.

– Да, она чуть получше, – ухмыльнулся Такуми.

Полковник снова захохотал, а я не понял, почему он не встал на защиту своей подружки. Да пусть моя девчонка будет хоть бородатым циклопом с «ягуаром», я был бы благодарен ей уже только за то, что ее можно потискать.

В тот вечер, когда Полковник заскочил в сорок третью комнату за сигаретами (он, кажется, забыл, что по факту они принадлежали мне), мне действительно было по фигу, что он меня с собой не позвал. В бесплатной школе многие имели привычку к классовой ненависти – ботаны ненавидят элиту и так далее, – а мне это всегда казалось пустой тратой времени. Полковник не сказал мне, где был после обеда и куда собирался вечером, но дверь он за собой закрыл, и посему я предположил, что меня он с собой не звал.

Ну и ладно: я весь вечер сидел в Интернете (порнуху не смотрел, честное слово) и читал «Последние дни» – книгу о Ричарде Никсоне и Уотергейтском скандале. На ужин я разогрел себе в микроволновке жарито, которое Полковник спер из столовки. Я вспомнил, что так же проводил вечера и во Флориде, только тут у меня еда была повкуснее, зато жил без кондиционера. Лежать в постели и читать – ощущение было знакомое и приятное.

Я решил, что разумно будет поступить так, как мне наверняка бы посоветовала мама, – хорошенько выспаться перед первым учебным днем. В 8:10 у меня по расписанию был французский. Я подумал, что оденусь и дойду до кабинета максимум за восемь минут, поэтому поставил будильник на 8:02. Я принял душ и стал ждать, когда же сон спасет меня от этой ужасной жары. Около одиннадцати я сообразил, что от крошечного вентилятора, закрепленного на моей полке, будет больше толку, если я сниму майку, и заснул в итоге поверх всех простыней в одних трусах.

Об этом решении мне пришлось пожалеть уже через несколько часов, когда я проснулся оттого, что в меня вцепились две потные мясистые лапы с явным намерением вытряхнуть из меня всю душу. Я пробудился немедленно и окончательно и в ужасе резко сел – разобрать голоса мне не удавалось, я не мог даже понять, откуда они вдруг взялись и какого черта в такое-то время... И сколько, кстати, времени? Потом в голове наконец чуть прояснилось, и я расслышал следующее:

– Ну давай. Иначе же придется тебе пинка дать. Сам вставай.

А потом с верхней полки:

– Боже, Толстячок. Вставай же.

Так что я встал, и тогда мне удалось рассмотреть три силуэта. Двое схватили меня под руки и повели к двери. Когда меня выводили, Полковник пробормотал:

– Желаю повеселиться. Полегче с ним, Кевин.

Дальше мы почти бегом обогнули нашу общагу, потом пересекли футбольное поле. Да, там росла трава, но и камней под ногами было море, и я подумал, почему никто не последовал правилам хорошего тона и не предложил мне обуться, почему меня вывели в одних трусах, с голыми окороками. Я мысленно собрал все возможные унижения: Посмотрите-ка на новенького, это Майлз Холтер, и мы приковали его к воротам в одних трусах. Потом я представил, что меня отведут в лес, куда мы как раз, похоже, и направлялись, и поколотят меня хорошенько, чтобы я на первый урок явился как огурчик. И все это время я смотрел вниз, на собственные ноги, потому что не хотел видеть своих мучителей и также не хотел упасть, поэтому мне важно было ступать поосторожнее, избегая хотя бы самых крупных камней. Рефлексы подсказывали мне во весь голос, что надо попытаться либо отбиться, либо сбежать, но я знал, что раньше ни один из этих вариантов не приводил ни к чему хорошему. Попетляв, они вывели меня на насыпной пляж, и тут я понял, что будет дальше: меня, как в старые добрые времена, окунут в озеро, – и успокоился. Это не страшно.

Дотащив меня до берега, мне велели вытянуть руки по швам, и самый здоровый из них поднял с песка два мотка клейкой ленты. Я же стоял, как солдат на страже, а они обмотали меня от плеч до запястий, словно мумию. Потом меня

толкнули – песок смягчил падение, но головой я все же ударился. Двое прижимали друг к другу мои ноги, а третий – Кевин, как я понял, – так близко поднес ко мне свое скуластое лицо с массивным подбородком, что я ощутил покалывание его твердых от геля волос, и сказал:

– Это тебе за Полковника. Зря ты связался с этим уродом.

Потом они обмотали клейкой лентой мне ноги – от щиколоток до самых бедер. Я стал похож на серебряную мумию.

Я попросил:

– Ребята, не надо, прошу вас! – И мне тут же заклеили рот. А потом взяли и потащили к воде.

Я шел ко дну. Шел – без какого-либо ужаса или типа того, а потом вдруг понял, что «ребята, не надо, прошу вас» в качестве последних слов совершенно никуда не годятся. А потом проявилось чудеснейшее человеческое свойство – способность тела держаться на воде, – и я почувствовал, что всплываю на поверхность, так что я принялся извиваться и крутиться изо всех сил, и, когда теплый ночной воздух ворвался в мой нос, я задышал во все легкие. Я не умер и не умру в ближайшее время.

Да, думал я, все не так уж плохо.

Хотя у меня все еще оставалась маленькая проблемка – надо было как-то выбраться на сушу, прежде чем взойдет солнце. В первую очередь следовало определить свое положение относительно береговой линии. Но если я наклонял голову слишком сильно, начинало поворачиваться все тело, а в списке неприятных смертей вариант «лицом вниз в мокрых белых трусах» находится почти на самом верху. Так что вместо этого я закатил глаза и запрокинул голову так, чтобы вода доходила до самых бровей, пока не убедился, что лежу строго перпендикулярно берегу, который оказался в каких-то трех метрах от меня. Я поплыл, как безрукая серебристая русалка, – мне оставалось только вихлять бедрами, пока наконец я не почувствовал жопой илистое дно пруда. Тогда я развернулся и, двигая бедрами и торсом, трижды перевернулся и выкатился на берег прямо к паршивенькому зеленому полотенцу. Они мне полотенце оставили. Такие заботливые.

Лента намочилась, клей немного смылся, и она уже липла к коже не так крепко, но местами было намотано по три слоя, так что все равно пришлось поизвиваться, как рыбе, выброшенной из воды. Наконец мне удалось высвободить левую руку и сорвать ленту.

Я завернулся в полотенце – оно было все в песке. Возвращаться в комнату к Полковнику мне не хотелось – я ведь не знал, что еще задумал Кевин. Может, они поджидают меня там, и, когда я приду, мне реально не поздоровится; может, мне следовало продемонстрировать им, что «ладно, я все понял. Нас с ним просто поселили вместе, он мне не товарищ». Да и в любом случае, в тот момент я особых дружеских чувств к Полковнику не испытывал. «Желаю повеселиться», – сказал он. Ага, подумал я. Повеселился. Просто до упаду.

И я пошел к Аляске. Сколько было времени, я не знал, но заметил под дверью полоску слабого света. Я осторожно постучал.

– Да, – откликнулась она, и я вошел, мокрый, в песке, завернутый в полотенце и в мокрых трусах. Разумеется, мало кому хочется предстать в таком виде перед самой сексапильной девчонкой в мире, но я подумал, что она сможет мне объяснить, что это было.

Аляска отложила книгу и встала с постели, завернувшись в простыню. На миг мне показалось, что она за меня переживает. Это была та самая девчонка, с которой я познакомился день назад, которая назвала меня симпатичным, в которой кипела энергия и сочеталось легкомыслие со способностью серьезно размышлять. А потом она расхохоталась:

– Искупнуться, похоже, ходил, да?

Произнесла она это так обыденно и с таким ехидством, что я понял: о происшествии знала вся школа – и вынужден был задуматься, почему они все сговорились утопить Майлза Холтера. Но Аляска ведь тоже ладилась с Полковником, так что я уставился на нее, совсем ничего не понимая, даже не зная, что спросить.

– Ладно, хватит уже, – продолжила она. – Серьезно. Понимаешь, в чем дело? У некоторых есть реальные проблемы. У меня, например. Mamochka теперь далеко,

так что не ной, ты уже большой мальчик.

Я ушел, не сказав ей ни слова, и направился в свою комнату. Я со всей мочи хлопнул дверью, разбудив Полковника, и потопал в ванную. Залез в душ, чтобы смыть водоросли и прочую озерную грязь, но глупый кран позорно отказывался мне помочь, – и как так получилось, что я уже сейчас не нравлюсь Аляске, Кевину и всем остальным? Помывшись, я вытерся и пошел в комнату одеваться.

– Ну, – спросил он. – Ты чего так долго-то? Заблудился, что ли?

– Они сказали, что это из-за тебя, – сообщил я, и в моем голосе все же прозвучало легкое раздражение. – Предупредили, чтобы я с тобой не связывался.

– Что? Да нет, так со всеми делают, – поведал Полковник. – И я через это прошел. Тебя бросают в озеро. Ты выплываешь. Потом возвращаешься к себе.

– Выплыть было не так просто, – тихо возразил я, просовывая джинсовые шорты под полотенце. – Меня обмотали скотчем. Я вообще-то даже пошевелиться не мог.

– Погоди, погоди. – Он спрыгнул с кровати и уставился на меня, хотя было очень темно. – Тебя обмотали скотчем? Как?

Я продемонстрировал. Встал как мумия – ноги вместе, руки по швам – и показал, как именно меня замотали. А потом плюхнулся на диван.

– Боже! Ты же мог утонуть! Они должны были бросить тебя в воду в одних трусах и убежать! – вскричал он. – О чем эти уроды думали? Кто там был? Кевин Ричман, еще кто? Лица помнишь?

– Думаю, да.

– Интересно, какого хрена? – возмутился он.

– Ты им что-нибудь такого сделал? – поинтересовался я.

- Нет, но теперь, блин, уверен, что сделаю. Мы им отмстим.

- Да ничего страшного. Я выбрался, так что все хорошо.

- Да ты помереть мог.

Ну, мог, наверное, да. Но не помер же.

- Может, я завтра схожу к Орлу, расскажу ему.

- Ни в коем случае, - возразил Полковник.

Он подошел к своим шортам, валявшимся на полу, и достал пачку сигарет. Закурил сразу две и одну из них передал мне. И я выкурил всю эту хрень целиком.

- Нет, - продолжил он. - Здесь такая фигня по-другому решается. К тому же прослывешь стукачом - тебе только хуже будет. Но мы с этими подонками разберемся, Толстячок. Даю слово. Они пожалеют, что связались с моим другом.

Если Полковник рассчитывал на то, что он назовет меня своим другом и я встану на его сторону, то, ну, в общем, он не ошибся.

- Аляска как-то ко мне сегодня недружелюбно настроена, - сказал я. Потом наклонился, открыл пустой ящик в столе и использовал его в качестве временной пепельницы.

- Я же говорил, что у нее бывают приступы паршивого настроения.

Я лег в кровать в футболке, шортах и носках. Я решил, что даже в самую адскую жару спать в общежитии буду только в одежде. И меня переполняли - наверное, впервые в жизни - страх и возбуждение, которые испытываешь, когда живешь, не зная, что тебя ждет и когда.

за сто двадцать шесть дней

- НУ ВСЕ, ЭТО ВОЙНА, - вскричал на следующее утро мой сосед.

Я перевернулся на другой бок и посмотрел на часы: 7:52. Мой первый урок в Калвер-Крике, французский, начинался через 18 минут. Я пару раз моргнул и посмотрел на Полковника, стоявшего между диваном и ЖУРНАЛЬНЫМ СТОЛИКОМ и державшего свои уже довольно поношенные, некогда белые кеды за шнурки. Он пристально уставился на меня и смотрел довольно долго, а я - на него. А потом, как при замедленном воспроизведении, его лицо расплылось в ехидной улыбке.

- Надо отдать им должное, - наконец проговорил он, - это было довольно умно.

- Что? - не понял я.

- Ночью - я так понимаю, прежде чем взяться за тебя, - они нассали мне в кеды.

- Ты уверен? - сказал я, стараясь не заржать.

- Нюхнуть хочешь? - спросил Полковник, протягивая мне кеды. - Я-то рискнул, понюхал, и да, я уверен. Уж что-что, а ссаки чужие я ни с чем не спутаю. Это как моя мама любит говорить: «Тебе кажется, что ты по воде ходишь, а на самом деле тебе кто-то в башмаки напрудил». Если ты их сегодня увидишь, покажи, - добавил он, - я должен знать, что этих зассанцев до такого довело. А потом начнем планировать, как подпортить жизнь этим жалким уродцам.

Летом мне пришла специальная приветственная брошюра для учеников Калвер-Крика, и, к моей радости, в разделе «Предпочтительная форма одежды» было всего два слова: «скромная повседневная». Но я и подумать не мог, что девчонки придут на урок заспанные, в хлопковых шортах от пижамы, майках и шлепанцах. Скромно и повседневно, да уж.

Девчонки в пижамах (хоть и скромных) могли бы скрасить урок французского, начавшегося в 08:10, если бы я хоть слово понимал из того, о чем говорила мадам О'Мэлли. Comment dis-tu «Боже, кажется мой французский не дотягивает до курса второго уровня» en fran?ais?[З - Как вы говорите по-французски? (фр.)]

Во Флориде я прошел только первый уровень и оказался не готов к мадам О'Мэлли, которая, кстати, пропустила все приятности на тему «как вы отдохнули летом» и перешла непосредственно к страшной теме под названием «passe compose» – я так понял, это какое-то время[4 - Прошедшее сложное (фр.)]. Парты были расставлены по кругу, и прямо передо мной оказалась Аляска, но она на меня за весь урок ни разу не взглянула, хотя лично я вообще мало что, кроме нее, замечал. Может, она действительно не всегда бывает такая уж хорошая. Но ее рассуждения про необходимость выйти из лабиринта – это было так умно. И правый уголок губ у нее всегда был чуть приподнят, готовясь к ухмылке, словно правая сторона ее рта уже освоила неподражаемую улыбку Моны Лизы...

Из моей комнаты студенческое население кампуса казалось переносимым, но в учебном корпусе мне стало страшно. Это вытянутое здание стояло сразу за общагами, в нем было четырнадцать аудиторий, окна которых выходили на озеро. Ребята толпились в узких коридорах перед классами, и, хотя найти нужную мне аудиторию оказалось не так уж и сложно (несмотря на мой топографический кретинизм, мне удалось добраться из кабинета № 3, где проходил французский, в № 12, на математику), я весь день чувствовал себя как-то неловко. Я никого не знал, и даже не понимал, с кем следует попытаться познакомиться, и уроки все оказались трудными, даже в самый первый день. Папа говорил, что заниматься придется, и я ему уже поверил. Учителя все оказались серьезными и умными, у многих имелась приставка «доктор», так что на последнем перед обедом уроке, «мировых религиях», я испытал огромное облегчение. Как я понял, это был рудимент, сохранившийся с тех времен, когда Калвер-Крик был христианским учебным заведением для мальчиков, сейчас этот предмет являлся обязательным для всех, и по нему, наверное, легко будет получить пятерку.

Это был первый за весь день урок, на котором парты стояли рядами, а не кругом или квадратом, и, чтобы не произвести впечатление, будто мне больше всех надо, я в 11:03 сел в третьем ряду. Я пришел за семь минут до звонка отчасти потому, что хотел быть пунктуальным, а отчасти потому, что поболтать в коридоре мне было не с кем. Вскоре после этого вошли Полковник с Такуми и уселись по разные стороны от меня.

– Мне рассказали про вчерашнее, – начал Такуми. – Аляска в бешенстве.

– Странно, вчера она повела себя как последняя стерва, – вырвалось у меня.

Такуми лишь покачал головой:

– Ну да, она же всего не знала. А плохое настроение у всех бывает, чувак. Привыкай жить среди людей. Тебе могли достаться друзья и похуже, чем...

Полковник перебил:

– Кончай лечить, доктор Фил. Давай лучше обсудим противоповстанческие действия. – В класс начали заходить ребята, так что Полковник наклонился ко мне и прошептал: – Если кого из них на уроке увидишь, дай мне знать, о'кей? Ты, в общем, просто крестики поставь, где они сядут. – Он вырвал из тетради лист и нарисовал на нем квадратики, символизирующие парты.

Вдруг вошел один из них – высокий, с безукоризненно нагеленными торчащими прядями: Кевин. Проходя мимо нас, он пристально уставился на Полковника; это мешало ему смотреть под ноги, и он наткнулся на парту. Полковник рассмеялся. За Кевином шел еще один пацан из его шайки, он то ли был жирноват, то ли, наоборот, чересчур увлекался спортом, и наряжен в складчатые брюки цвета хаки и черную тенниску с короткими рукавами. Когда они расселись, я отметил соответствующие квадратики на схеме Полковника и вернул листок ему. И тут, едва волоча ноги, вошел Старик.

Он дышал медленно, с большим трудом, широко открыв рот. Продвигался к кафедре малюсенькими шажками, практически не ставя пятку вперед носка. Полковник слегка толкнул меня и небрежно показал на свою тетрадь, в которой было написано: У Старика всего одно легкое, и я не усомнился в том, что это правда. Его громкое и полное чуть ли не отчаяния дыхание напомнило мне про моего деда, который умер от рака легких. Мне казалось, что этот древний Старик с бочкообразной грудью может скончаться раньше, чем дойдет до кафедры.

– Меня зовут, – начал он, – доктор Хайд. Имя у меня, конечно, тоже есть. Но для вас я «доктор». Ваши родители платят довольно большие деньги за то, чтобы вы могли здесь обучаться, так что я надеюсь, что вы поможете их вложениям окупиться, то есть будете читать те книги, какие я скажу и когда я скажу, и будете посещать мои занятия постоянно. А на занятиях – слушать, что я

говоря. – Ясно, получить пятерку будет не так просто. – Этот год мы посвятим изучению трех религиозных традиций: ислама, христианства и буддизма. И еще три оставим на следующий год. На моих уроках почти все время буду говорить я, а вы – почти все время слушать. Вы, может быть, и умные, но я уже был умный, когда вас еще и в помине не было. Я уверен, что не всем нравятся лекции, но, как вы, возможно, заметили, я уже не так молод, как раньше. Я бы с радостью посвятил свои последние деньки милым беседам о самых прекрасных моментах истории ислама, но нам осталось провести вместе не так много времени. Так что мне придется рассказывать, а вы должны слушать, поскольку тут мы будем заниматься поисками ответа на самый важный вопрос, который был задан за всю историю человечества, то есть поиском самого главного. Какова природа человека? Раз уж мы родились людьми, как нам лучше жить? Откуда мы взялись и куда мы попадем потом? Попросту говоря: каковы правила этой игры и как в ней преуспеть?

«Природа лабиринта, – накарябал я в своей тетради на спирали, – и выходы из него». Крутой препод. Я дискуссионные занятия ненавижу. Я терпеть не мог говорить и терпеть не мог слушать, как отвечают другие, запинаясь, пытаюсь высказаться как можно более расплывчато, чтобы никто не подумал, будто они тупые, терпеть не мог эту игру в целом, ведь все пытались понять, что хочет услышать учитель, и сказать именно это. Я пришел на урок, так что учите. И он начал учить: за эти пятьдесят минут Старик заставил меня взглянуть на вопросы религии серьезно. Я никогда не был набожным, но он сказал, что религия играет огромную роль независимо от наличия у нас веры, точно так же, как важны исторические события, даже несмотря на то, что мы сами не жили в ту эпоху, когда они совершались. А потом он задал нам прочесть пятьдесят страниц из учебника «Религиоведение» – к следующему дню.

После обеда меня в тот день ожидало еще два урока и два окна. У нас было девять уроков по пятьдесят минут ежедневно и, следовательно, по три часа на самоподготовку почти у каждого (за исключением Полковника, который ходил еще и на какую-то продвинутую математику, поскольку считался Супер-Мега-Гением). Вместе с ним мы оказались и на биологии, где я указал ему на третьего пацана, который сматывал меня клейкой лентой. В верхнем углу тетради Полковник написал: «Чейз Лонгвелл. Выходник из старших классов. Дружит с Сарой. Странноватый». Через минуту я вспомнил, кто такая Сара: девчонка Полковника.

В свободное время я уходил в свою комнату и пытался почитать учебник по религиоведению. Выяснил, что миф – это не то же самое, что слухи, это народное сказание, отражающее образ жизни, взгляды на мир и верования определенного народа. Интересно. А еще я понял, что после случившегося прошлой ночью я слишком устал и мне не до мифов и всякого остального, так что я заснул на своей полке – и проснулся от пения Аляски: «ПРОСЫПАААЙСЯ, ТОЛСТЯЧОООК!» – она орала прямо в мое левое ухо. Я прижал учебник к груди, словно эта книжонка в мягкой обложке могла меня хоть от чего-то защитить.

– Это было просто ужасно, – объявил я. – Что мне следует сделать, чтобы это никогда больше не повторилось?

– Ничего не поделаешь! – возбужденно прошептала она. – Я непредсказуема. Боже, тебе что, доктор Хайд не противен? Нет? Ведет себя так, будто он лучше нас.

Я сел и ответил:

– А по-моему, он гений. – Отчасти я сказал это потому, что действительно так думал, а отчасти потому, что мне просто хотелось ей возразить.

Аляска села на мою кровать:

– Ты всегда в одежде спишь?

– Угу.

– Забавно, – сказала она. – Вчера на тебе почти ничего не было.

Я злобно посмотрел на нее.

– Да ладно, Толстячок. Я просто прикалываюсь. Тут неженкой не проживешь. Я же не знала, насколько все страшно – и я виновата, и они об этом пожалеют, – но мягкотелым тут быть просто нельзя. – И она ушла. Больше ей сказать было нечего.

Она, конечно, симпатичная, думал я, но нельзя западать на девчонку, которая относится к тебе как к десятилетнему. Мама у тебя уже есть.

за сто двадцать два дня

КОГДА ЗАКОНЧИЛСЯ ПОСЛЕДНИЙ УРОК первой недели моего пребывания в Калвер-Крике, я вернулся в комнату № 43 и увидел нечто совершенно неожиданное: миниатюрный Полковник с голым торсом склонился над доской для глажки, накинувшись на розовую рубашку. Он работал с таким энтузиазмом, что по его лицу и груди тек пот. Энергично вода утюгом из стороны в сторону, Полковник дышал почти так же тяжело, как и доктор Хайд.

- У меня свидание, - объяснил он. - Ситуация чрезвычайная. - Он попытался перевести дыхание. - Ты... - вдох, - гладить умеешь?

Я подошел к розовой рубахе. Морщин на ней было, как на лице у старушки, которая в молодости очень любила загорать. Ох, если бы Полковник не комкал всю одежду и не распихивал ее по ящикам как попало...

- По-моему, просто включаешь и давишь на рубашку, нет? - сказал я. - Я не в курсе. Я даже не знал, что у нас есть утюг.

- У нас нет. Это Такуми. Но он тоже им пользоваться не умеет. А когда я Аляску спросил, она завопила: «Нет, на меня свою парадигму патриархата не распространяй!» О боже, мне надо покурить. Но я не могу допустить, чтобы от меня воняло во время встречи с Саринными родителями. Ладно, к лешему. Пойдем в душ, пустим воду и там покурим. От душа будет пар. А пар разгладит складки, так?.. Кстати, - продолжал он, когда я входил вслед за ним в душевую, - если днем захочется покурить в комнате, достаточно просто включить душ. И дым вместе с паром уйдет в воздуховод.

С научной точки зрения это казалось бредом, но на практике вроде бы сработало. Напор в душе был слабый, а головка располагалась так низко, что мыться под ним толком не получалось, но дымовая завеса из него выходила отличная.

А вот утюг, к сожалению, плохой. Полковник предпринял еще одну попытку погладить рубашку (Попробую давить посильнее, посмотрю, что получится) и в итоге надел мятую. К рубашке он подобрал синий галстук, украшенный горизонтальными рядами крохотных розовых фламинго.

– Единственное, чему меня научил мой паршивый отец, – сообщил Полковник, пока его пальцы проворно затягивали идеальный узел, – это завязывать галстук. И это довольно-таки странно, потому что отца я себе в галстуке не представляю.

И тут в дверь постучала Сара. До этого я видел ее раз-другой, но Полковник нас друг с другом не познакомил. В тот вечер ему такой возможности тоже не представилось.

– О господи. Ты что, рубашку погладить не мог? – спросила она, несмотря на то что Полковник стоял прямо у гладильной доски. – Мы же встречаемся с моими родителями. – В легком голубом платье Сара выглядела ужасно хорошенькой. Она забрала свои светлые волосы в «ракушку», оставив две пряди по бокам, и была похожа на кинозвезду – стервозную.

– Слушай, я сделал все что мог. Не у всех есть служанки для глажки.

– Чип, чем больше ты пытаешься меня опустить, тем ниже сам становишься.

– Боже, неужели мы не можем за дверь выйти, не поругавшись?

– Да я просто говорю тебе. Мы в оперу собираемся. Для моих родителей это важно. Ну ладно. Пойдем уже.

Мне самому захотелось уйти, но прятаться в ванной было как-то тупо, а в дверном проеме стояла Сара, уперев одну руку в бедро; в другой она крутила ключи от машины, словно говоря: Ну, пошли же.

– Да если я даже смокинг надену, твоим родителям нравиться не стану, – прокричал Полковник.

– Я тут ни при чем! Это ты внушаешь им отвращение! – Она помахала ключами у него перед лицом: – Слушай, мы либо идем, либо нет.

– К чертям. Никуда я с тобой не пойду, – ответил Полковник.

– Отлично. Желаю повеселиться. – Сара с такой силой шарахнула дверь, что с моей полки свалилась довольно внушительных размеров биография Льва Толстого (его последние слова: «Люблю истину») и упала на клетчатый пол с громким ударом, словно эхо захлопнутой двери.

– АААААА!!!!!!!!!!!!!! – заорал Полковник.

– Так значит, это была Сара, – сказал я.

– Да.

– Она вроде ничего.

Полковник рассмеялся, опустился на колени возле нашего миниатюрного холодильника и вынул банку с молоком. Открыл, сделал большой глоток, поморщился, кашлянул и сел на диван, поставив банку между ног.

– Прокисло, что ли?

– А... да, что ж я сразу не сказал. В ней не молоко. Точнее, не совсем. Пять частей молока к одной части водки. Я зову это амброзией. Напиток богов. Запах молока заглушает водку, так что Орел меня не поймает, если только сам не отхлебнет. Плохо то, что по вкусу действительно похоже на кислое молоко со спиртовым лосьоном. Но сегодня пятница, Толстячок, а моя девка – стерва. Будешь?

– Я, пожалуй, пас. – Я раньше никогда не пил спиртного, за исключением пары глотков шампанского на Новый год под пристальным наблюдением родителей, и мне показалось, что с «амброзии» начинать не стоит.

За дверь зазвонил телефон. С учетом того, что у нас на сто девяносто учеников было всего пять телефонов, меня поражало, как редко они звонят. Сотовыми нам пользоваться не разрешали, но я заметил, что у некоторых из выходников они все же имелись. А не-выходники в основном регулярно звонили родителям сами, и я в том числе, поэтому сюда звонили только тогда, когда кто-то из ребят

забывал.

– Возьмешь? – спросил Полковник. Мне не хотелось, чтобы он мной помыкал, но ссориться мне тоже не хотелось.

Так что через мерзейшие сумерки я добрался до автомата, висевшего на стене между 44-й и 45-й комнатами. Пространство по обеим сторонам телефона было испещрено телефонными номерами и тайными пометками, оставленными ручками или маркерами (205.555.1584; Томми аэропорт 04:20; 773.573.6521; Джей-Джи – Каффс?). Если звонишь на автомат – наберись терпения. Я взял трубку где-то на девятом звонке.

– Чипа позови, – попросила Сара.

Мне показалось, что она звонит с сотового.

– Ага, подожди.

Я развернулся – он уже стоял у меня за спиной, словно знал, что это она. Я передал ему трубку и пошел в комнату.

Через минуту густой и недвижимый воздух алабамской практически уже ночи прорезали четыре слова, которые донеслись и до нашей комнаты.

– Сама иди в жопу! – прокричал Полковник.

Вернувшись, он сел, схватился за свою «амброзию» и сообщил:

– Она считает, что это я настучал на Пола с Марьей. Об этом говорят все выходники. Что я настучал. Я. И нассали в кеды из-за этого. И тебя чуть не утопили. Потому что ты живешь со мной, а я, ходят слухи, стукач.

Я попытался вспомнить, кто такие Пол и Марья. Имена казались знакомыми, но я за последнюю неделю много всяких имен услышал, а связать Пола и Марью с конкретными лицами не мог. Но потом до меня дошло почему: я их и не видел. Это их выгнали за трифект.

– Давно ты с ней встречаешься? – спросил я.

– Девять месяцев. У нас не особо хорошо дела шли, в смысле, она мне никогда не нравилась, даже на минуточку. Это было как у мамы с отцом – он, бывало, разозлится и избьет ее. А потом становится такой миленький, и у них снова как будто медовый месяц. Но у нас с Сарой медового месяца даже не бывает. Боже, да как она могла подумать, что я стукач? Я знаю, знаю: «А почему бы нам не расстаться?» – Он провел рукой по волосам, сжав их в кулак на макушке, и продолжил: – Я, наверное, ее не бросаю потому, что она не бросает меня. А это нелегко. Из меня «вторая половина» паршивая. Из нее тоже. Мы друг друга заслуживаем.

– Но...

– Не могу поверить, что они обо мне такого мнения... – Полковник подошел к книжной полке и взял альманах. А потом сделал большой глоток «амброзии». – Выходники хреновы. Наверное, кто-то из них же и донес и свалил все потом на меня, чтобы собственную задницу прикрыть. Ладно, сегодня такой вечер, что все равно лучше никуда не ходить, а остаться дома с Толстячком и «амброзией».

– Я все же... – Я хотел спросить, как можно целоваться с человеком, которого считаешь стукачом, если стучать – это самое страшное преступление из возможных, но Полковник снова меня перебил:

– Больше ни слова об этом. Знаешь столицу Сьерра-Леоне?

– Нет.

– Я тоже, – сказал он, – но я намерен это выяснить. – После этого он уткнулся в альманах, и разговор был закончен.

за сто десять дней

УЧЕБА ДАВАЛАСЬ МНЕ ЛЕГЧЕ, чем я ожидал. Я в целом был склонен сидеть у себя в комнате и читать, и это давало мне заметное преимущество перед всеми

остальными учениками в Калвер-Крике. За три недели учебы многие ребята загорели на солнышке, словно золотистые жарито, потому что в свободные часы, выделенные на подготовку к урокам, они болтали друг с другом во дворе, где не было ни намека на тень. Но я даже не порозовел: я учился.

Да и на уроках я слушал, но в ту среду, когда доктор Хайд начал рассказывать о вере буддистов в то, что все на свете взаимосвязано, я вдруг обнаружил, что смотрю в окно. Я смотрел на поросший деревьями пологий холм за озером. Из класса Хайда все действительно казалось взаимосвязанным: деревья вроде бы покрывали холм, и точно так же, как я бы ни за что не выделил какую-то отдельную нитку в оранжевом обтягивающем топике, который надела в тот день Аляска, я не видел и деревьев за лесом – все так тесно переплеталось друг с другом, что смысла не было выделять какое-то одно дерево и воображать, будто оно независимо от холма. А потом я услышал собственное имя – и понял, что у меня неприятности.

– Мистер Холтер, – обратился ко мне Старик. – Я тут легкие свои напрягаю, обучая вас. Но тем не менее что-то за окном показалось вам более увлекательным, чем мой рассказ. Скажите на милость, что же вы там такого обнаружили?

Теперь и я начал задыхаться – все смотрели на меня, благодаря бога за то, что это не они оказались на моем месте. Доктор Хайд уже трижды выгонял из класса за то, что его невнимательно слушали или обменивались записками.

– Я... эээ... я просто смотрел на лес... и думал... гм... о том, ну, как это... о деревьях и о лесе, как раз как вы говорили некоторое время назад, что...

Старик, который, очевидно, терпеть не мог подобного бессвязного бреда, оборвал мое объяснение:

– Мистер Холтер, я попрошу вас выйти из класса, тогда вы сможете отправиться прямо туда и изучить взаимосвязь между... м-м-м... лесом и... э-э-э... деревьями. Если завтра вы окажетесь в состоянии воспринять мою лекцию более серьезно, я буду рад вас видеть.

Я сидел неподвижно, ручка в руке, тетрадь открыта, щеки красные, челюсть выдвинута вперед – я давно придумал такую рожу, за которой прятал свою

грусть или испуг. Вдруг я услышал, что позади меня через ряд по полу проехал стул, – я повернулся и увидел, что Аляска встала, повесив на руку свой рюкзак:

– Извините, но это бред. Вы не можете так вот просто вышвырнуть его из класса. Вы читаете свои нудные лекции по часу каждый день, а нам уже даже в окно посмотреть нельзя?

Старик уставился на Аляску, как бык на матадора, потом поднес ладонь к своему осунувшемуся лицу и задумчиво потер седую щетину на щеке:

– Пятьдесят минут в день пять дней в неделю вы подчиняетесь моим правилам. Иначе вы не сдадите. Выбор за вами. Уходите оба.

Я сунул тетрадь в рюкзак и понуро вышел. Когда за мной закрылась дверь, кто-то похлопал меня по левому плечу. Я повернулся, но никого не увидел. Тогда я повернулся в другую сторону – Аляска улыбалась, от внешнего уголка глаз шли лучики морщинок.

– Этот фокус стар как мир, но все на него попадаются.

Я попытался выдавить улыбку, но все никак не мог забыть доктора Хайда. Это было куда хуже, чем Случай с Клейкой Лентой, потому что я всегда знал, что не прихожусь таким Кевином Ричманом по душе. Но учителя-то раньше всегда были почетными членами фан-клуба Майлза Холтера.

– Я же говорила тебе, что он придурок, – сказала Аляска.

– А я до сих пор думаю, что гений. Он был прав. Я не слушал.

– Ну и что, все равно не надо было из-за этого козлиться. Словно он может подтвердить свою власть, только унизив тебя. Да и все равно, – продолжала она, – настоящие гении только среди людей творческих: Йетс, Пикассо, Гарсия Маркес – вот они гении. А доктор Хайд – просто желчный старикашка.

А потом она объявила, что мы идем искать четырехлистный клевер, пока урок не закончится, после чего покурим с Полковником и Такуми, «хотя они оба, – добавила она, – большие засранцы, потому что не ушли вместе с нами».

По всем базовым законам человеческой психологии, когда Аляска Янг садится, скрестив ноги, на поляну местами еще зеленого, но редкого клевера, периодически наклоняясь в поисках четырехлистного экземпляра, и ты отчетливо видишь светлую кожу в ее немаленьком вырезе, присоединиться к ее поискам совершенно невозможно. Я, конечно, уже достаточно неприятностей огреб за то, что смотрел куда не надо, но все-таки...

Минуты две она прочесывала клевер своими длинными ногтями, под которые забились земля, а потом сорвала веточку с тремя полноценными листочками и зачатком четвертого. Потом Аляска посмотрела на меня, даже не дав мне времени отвести взгляд.

– Хотя ты явно в поисках участия не принимал, извращенец, – скривившись, сказала она, – я отдала бы этот клевер тебе. Но на удачу рассчитывают только обсосы. – Она зажала зачаток четвертого листика между ногтями большого и указательного пальцев и оторвала его. – Вот, – сказала она клеверу, роняя его на землю, – больше ты не генетический уродец.

– М-мм... спасибо, – ответил я.

Зазвенел звонок, и первыми вышли Такуми с Полковником. Аляска уставилась на них.

– Что такое? – возмутился Полковник.

Но она лишь закатила глаза и пошла неизвестно куда. Мы молча последовали за ней – мимо общаг, потом через футбольное поле. Мы нырнули в лес, пошли по еле заметной тропинке, огибавшей озеро, и вышли на проселочную дорогу. Полковник подлетел к Аляске, и они начали вполголоса из-за чего-то ругаться, слов я разобрать не мог, лишь уловил общее настроение взаимного недовольства, а потом наконец спросил у Такуми, куда мы идем.

– Эта дорога упирается в сарай, – ответил он. – Может быть, туда. Но скорее в Нору-курильню. Сам увидишь.

Отсюда лес казался совершенно иным, нежели из кабинета доктора Хайда. На земле толстым слоем лежали палые ветки и полусгнившие сосновые иголки, а из-под него пробивался низкорослый зеленый кустарник; тропинка петляла

между тонкими и высокими соснами, их игольчатые лапы укрывали нас от палящего солнца кружевной тенью. А небольшие дубки и клены, которых за более величественными соснами из окна кабинета доктора Хайда видно не было, уже демонстрировали признаки осени, поверить в приход которой в такую жару было просто невозможно: их еще зеленые листья как-то поникли.

Мы вышли к шаткому деревянному мостику – точнее, это был всего лишь толстый лист фанеры, лежавший на бетонном основании. Он вел на другой берег Калвер-Крика, извивающейся речушки, которая петляла по окрестностям нашего кампуса. С другой стороны моста узенькая тропинка продолжалась и вела вниз под крутой откос. Это была даже не тропинка, а пунктирный намек на то, что тут раньше кто-то ходил: то заломленная ветка, то участок вытопанной травы. Мы шли друг за другом. Аляска, Полковник и Такуми придерживали перед тем, кто идет следом, толстую ветку клена, а потом передавали эту обязанность другому, пока не прошел я и не выпустил ветку – тогда она со свистом вернулась на свое место. А там, под мостом, оказался оазис. Бетонная плита метр в ширину и три метра в длину, на которой стояли синие пластиковые стулья, еще давным-давно выкраденные из какого-то кабинета. В тени от моста, да еще и возле ручья, было так прохладно, что мне впервые за эти несколько недель перестало быть жарко.

Полковник раздал сигареты. Такуми решил пропустить, а мы все закурили.

– Я просто считаю, что он не имеет права нас так унижать, – сказала Аляска, продолжая свой разговор с Полковником. – Толстячок больше не будет смотреть из окна, я больше не буду разглаживать на эту тему, но он все же отвратный препод, на этот счет ты меня не разубедишь.

– Отлично, – ответил Полковник. – Только сцен больше не устраивай. Бедолага там чуть не скончался.

– Seriously, конфронтация с Хайдом до добра не доведет, – добавил Такуми. – Он тебя заживо съест, потом высрет, а потом еще и насыт на кучу. Кстати, то же самое следует сделать и с тем, кто настучал на Марию. Кто-нибудь что-нибудь слышал?

– Наверняка кто-то из выходников, – высказалась Аляска. – Но они, по всей видимости, решили, что это Полковник. Так что фиг его знает. Может, Орлу

просто повезло. Она была дурочкой, попалась, ее выперли, конец. Именно так и бывает, если ты дурак и если тебя застукают. – Аляска скруглила губы и стала похожа на кушающую золотую рыбку – это она безуспешно пыталась выдохнуть колечки дыма.

– Супер, – откликнулся Такуми, – если меня выгонят, напомни мне, что мстить надо самому, на тебя-то, похоже, рассчитывать нельзя.

– Не носи ерунды, – сказала Аляска не столько сердито, сколько пренебрежительно. – Я не понимаю, почему вам так важно найти объяснение всему, что тут происходит, как будто бы мы все тайны должны раскрывать. Боже ж ты мой, все же уже в прошлом. Такуми, тебе вообще пора перестать жить чужими проблемами и завести собственные. – Он было попытался что-то ей возразить, но Аляска вскинула руку, словно отмахиваясь от этой беседы.

Я в разговоре участия не принимал – я эту Марию не знал, к тому же молча слушать – вообще была моя основная стратегия взаимодействия с людьми.

– Но все равно, – обратилась ко мне Аляска, – мне показалось, что он с тобой ужасно обошелся. Я чуть не расплакалась. Мне так хотелось поцеловать тебя и утешить.

– Жаль, что сдержалась, – невозмутимо ответил я, и все рассмеялись.

– Ты отличный, – добавила она, и я почувствовал на себе мощь ее взгляда, занервничал и отвел глаза. – Жаль, что я своего парня люблю.

Я уставился на сплетенные корни деревьев на берегу, стараясь не выглядеть как пацан, которого только что назвали «отличным».

Такуми тоже не мог поверить в услышанное, он подошел ко мне, взъерошил мне волосы и начал читать Аляске рэп:

– Йоу, Толстячок отличный, но слишком уж приличный. Джейк подинамичней, он... черт. Я почти четыре рифмы к «отличный» придумал. Вот разве что «чумичный». Но такого слова нет.

Аляска рассмеялась:

– Я после этого даже больше сердиться на тебя не могу. Боже, рэп – это так секси. Толстячок, ты вообще знаешь, что общаешься с самым больным эмси[5 - Человек, читающий рэп.] во всей Алабаме?

– Гм... нет.

– Задай бит, Полковник Катастрофа, – сказал Такуми, а я рассмеялся – я поверить не мог, что у такого коротышки и чудака, вроде Полковника, может быть настоящая рэперская кликуха.

Полковник сложил руки у рта рупором и начал издавать страннейшие звуки, которые, я так полагаю, и были битом. Пу-чи, пу-пупу-чи.

Такуми рассмеялся:

– Чуваки, вы хотите, чтобы я зажег прямо тут, у реки? Если бы твой дым был мороженым, его лизнуть было бы можно. Мои рифмы старомодны, но неповторимы, так писали лишь философы в Древнем Риме. А у Полковника тема горька, как у Миллера в «Смерти моряка». Про меня говорят, что я шоумен, я могу побыстрее, а могу и нет, йе-е-е. – Он смолк, чтобы набрать в легкие воздуха, а потом продолжил: – Я не боюсь рифм – ни сквозных, ни перекрестных. Тут кончается мой стих, и эмси идет на отдых.

Я не отличал сквозную рифму от перекрестной, но весьма впечатлился. Мы похвалили Такуми негромким взрывом аплодисментов. Аляска докурила сигарету и бросила бычок в реку.

– Черт, как ты так быстро куришь?

Она посмотрела на меня, и на ее узком лице появилась такая широкая улыбка, что вы бы усомнились в ее умственных способностях, если бы не эта безупречная зелень в глазах. И радостно, как ребенок в Рождество, она ответила:

– Просто ты куришь, потому что тебе это доставляет удовольствие. А я – потому что хочу умереть.

за сто девять дней

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ НА ОБЕД подали «мясной хлеб» – одно из немногочисленных блюд, которые не жарились во фритюре, и, возможно, именно поэтому оно воспринималось как одна из самых страшных ошибок Морин – жалкая, пропитанная соусом стряпня, которая видом нисколько не походила на хлеб, а вкусом – на мясо. Хоть и не ездил на ней ни разу, я знал, что у Аляски есть машина, и она предложила свозить нас с Полковником в «Макдоналдс», но у него не было денег, да и у меня уже тоже почти не осталось – мне же постоянно приходилось оплачивать это его экстравагантное пристрастие к сигаретам.

Так что вместо этого мы с Полковником разогрели жарито двухдневной давности – они, в отличие от, например, картошки фри, после микроволновки нисколько не теряют своего великолепного вкуса и хрустят все так же кайфово, – а после этого Полковник настоял на том, что мы должны пойти и посмотреть первый в этом сезоне школьный баскетбольный матч.

– Баскетбол – осенью? – удивился я. – Я в спорте особо не разбираюсь, но в это время разве не в футбол играют?

– У нас школа слишком маленькая, футбольной команды нет, поэтому у нас осенью баскетбол. Хотя, чувак, футбольная команда в Калвер-Крике была бы красивая. Ты с твоей костлявой задницей мог бы начать карьеру нападающего форварда. Но баскетбол вообще-то тоже крут.

Я ненавижу спорт. Ненавижу и сам спорт, и людей, которые им занимаются, и тех, которые болеют, а также тех, кто не испытывает ненависти к тем, кто болеет или занимается. В третьем классе – это последний год, когда школьники играют в детский бейсбол, – моей маме захотелось, чтобы я нашел себе друзей, и она заставила меня вступить в клуб «Орландо Пайретс». И я завел друзей, да – целую кучу, детсадовского возраста, но мои отношения со сверстниками не улучшились. В первую очередь потому, что я был выше всех в команде и чуть не попал в команду сильнейших. Уступив место Клэю Вуртцелу, у которого была всего одна рука. Меня, необычайно высокого третьеклассника с двумя руками, побил детсадовец Клэй Вуртцел. И дело было не в том, что все просто пожалели однорукого ребенка. Клэй Вуртцел попадал, а я выбивал мяч в аут даже при

благоприятных условиях. И в Калвер-Крике меня привлекало в первую очередь то, что там не приходилось сдавать физкультурные нормативы.

– Это единственное, что заставляет меня отодвинуть свою страстную ненависть к выходникам и их поганой имитации загородного клуба в сторону, – объяснил Полковник. – Потому что они установили в зале кондиционеры. И первую игру в сезоне пропустить нельзя.

По пути к самолетному ангару, то есть спортзалу, который я раньше видел, но куда совершенно не намеревался ходить, Полковник сообщил мне самые важные сведения о нашей баскетбольной команде: она не особо хороша. Ее «звездой», по словам Полковника, считался Хэнк Уолстен, из старшеклассников, который был тяжелым форвардом, несмотря на рост метр семьдесят семь. В кампусе его знали все, в первую очередь потому, что у него всегда можно было разжиться травкой, и Полковник сказал, что Хэнк еще ни на один матч не вышел ненакурленным.

– Он любит покурить не меньше, чем Аляска любит потрахаться, – говорил он. – Этот человек как-то даже смастерил бонг[б - Устройство для курения, сделанное по типу кальяна, но приспособленное специально для каннабиса.] из ствола пневматического ружья, спелой груши и глянцевой фотки Анны Курниковой размером двадцать на двадцать пять сантиметров. Конечно, не велик золотник, но все же его самоотверженностью в плане злоупотребления наркотиками остается только восхищаться.

Остальные, как сказал Полковник, были еще хуже Хэнка, и последним считался Уилсон Карбод, центровой, в котором было слегка за метр восемьдесят.

– Команда у нас настолько плохая, – продолжал он, – что у них даже талисмана своего нет. Так что я зову их «Калвер-Крикские Никакие».

– То есть они отстойные? – уточнил я. Я не совсем понимал, какой смысл смотреть, как сливает твоя никчемная команда, но кондиционер меня прельстил.

– О да, отстойные, – подтвердил Полковник. – Но команду из школы слепоглухих мы всегда разносим в пух и прах. – Видимо, в школе глухих и слепых баскетболу большого значения не придавалось, так что команда Калвер-Крика к концу

сезона все же имела одну победу.

Когда мы пришли, зал уже был забит: там собрались почти все ученики школы – например, на верхнем ряду я заметил трех наших готок, подкрашивающих глаза. Дома я никогда на баскетбол не ходил, но был почти уверен, что у нас далеко не все собирались поболеть за свою команду. Даже при всем этом я очень удивился, когда прямо передо мной уселся не кто иной, как сам Кевин Ричман, в то время как черлидеры наших соперников (которым крайне не повезло с цветами, символизирующими их школу: коричневая грязь и желтая засохшая моча) пытались разжечь азарт небольшой группки поддержки, прибывшей вместе со своей командой. Кевин развернулся и уставился на Полковника.

Как и почти все выходники-парни, Кевин одевался элегантно и выглядел так, будто он был обречен стать адвокатом – любителем гольфа. Его блондинистые космы были коротко пострижены по бокам, а на макушке стояли дыбом: он поливал их таким количеством геля, что они всегда казались мокрыми. Я конечно же ненавидел его не так, как Полковник – он ненавидел из принципа, а принципиальная ненависть куда как сильнее ненависти типа «пацаны, зря вы обмотали меня скотчем и бросили в озеро». Тем не менее, пока он смотрел на Полковника, я старался утратить его взглядом, но забыть о том, что он не далее чем две недели назад видел мою тощую задницу, не прикрытую ничем, кроме трусов, было сложно.

– Ты настучал на Пола с Марьей. Мы отомстили. Мир? – предложил Кевин.

– Я на них не стучал. И этот вот Толстячок однозначно на них не стучал, но вы все равно решили поразвлечься за его счет. Мир, говоришь? Гм... дай-ка я быстренько опрос проведу на эту тему. – Танцовщицы из группы поддержки сели, прижав к груди свои помпоны, словно в молитве. – Слышь, Толстячок, – обратился ко мне Полковник. – Как ты думаешь, мир?

– Мне вспоминается случай, когда в Арденнах немцы потребовали, чтобы американцы сдались, – ответил я. – И я на это предложение мира скажу то же самое, что генерал Мак Олиф сказал тогда: «Бред».

– Кевин, ну вот зачем ты пытался его убить? Он же гений. Твой мир – бред.

– Да ладно, чувак. Я же знаю, что это ты настучал, а мы должны были защитить честь друга, а теперь конец истории. Давай закроем эту тему. – Казалось, что Кевин говорит искренне, может быть, дело было в том, что Полковник славился своими дикими выходками.

– Давай так. Назови какого-нибудь нашего президента, который уже умер. Если Толстячок не в курсе, что он сказал перед смертью, тогда мир. А если знает – вы до конца своей жизни будете проклинать тот день, когда нассали в мои кеды.

– По-моему, это идиотизм.

– Хорошо, никакого мира. – И Полковник откинулся на спинку сиденья.

– Ну ладно. Миллард Филлмор, – придумал Кевин.

Полковник спешно повернулся ко мне, и в его глазах я прочитал вопрос: У нас вообще был такой президент? Я лишь улыбнулся:

– Когда Филлмор умирал, он был жутко голоден. Но его доктор считал, что отказ от пищи поможет ему победить лихорадку... или с чем он там слег. Филлмор без умолку твердил о том, как он хочет есть, и доктор наконец дал ему чайную ложечку супа. Ну, он говорит с сарказмом: «Кормят, как на убой» – и умирает. Перемирия не будет.

Кевин закатил глаза и ушел, а до меня дошло, что я мог бы приписать Филлмору любые предсмертные слова, главное было произнести их уверенным тоном, и Кевин, наверное, все равно бы мне поверил. Я пропитывался самоуверенностью Полковника.

– О, ты впервые повел себя как настоящий говнюк! – рассмеялся он. – Я, конечно, все условия тебе создал. Но все равно. Молоток!

К несчастью для Калвер-Крикских Никаких, в тот день они играли не с командой слепоглухих, а с какой-то христианской школой из центра Бирмингема – их команда была укомплектована громадными обезьяноподобными Гаргантюа с густыми бородами, которые к тому же совершенно не согласны были подставлять вторую щеку.

Счет в конце первой четверти был 20: 4.

И вот тут стало весело. Полковник оказался главным заводилой.

- Пол! - закричал он.

- СТЕНЫ! - ответила толпа болельщиков.

- Окна!

- КРЫША!

А потом все хором:

- А У НАС ОЦЕНКИ ВЫШЕ!

- Виват! Виват! Виват! - вопил Полковник.

- МЫ ГЕНЕРАЛЫ, А ВЫ - СОЛДАТЫ!

Группа поддержки наших соперников попыталась ответить:

- Посмотрите, посмотрите, на вас шапочки горят! Если не угомонитесь, попадете прямо в ад!

Однако у нас фантазия работала получше:

- Краснее!

- ЗЕЛЕНЕЕ!

- Чернее!

- СИНЕЕ!

- ВЫ ХОТЬ И ВЫШЕ, НО МЫ - УМНЕЕ!

Когда в любом уголке страны кто-то соберется пробивать штрафной, фанаты бушуют, как только могут, орут, топают ногами. Но толку от этого никакого, потому что спортсмены привыкают не обращать внимания на такой шум. И в Калвер-Крике мы выработали другую стратегию: сначала все вопят и орут, как и приличествует ситуации. А потом все вдруг говорят: «Тсс!», и в зале наступает полная тишина. Так что как раз в тот момент, когда ненавистный противник, владевший мячом, останавливался, собираясь бросить его в корзину, Полковник вставал и кричал что-нибудь вроде:

- Бога ради, сбрей уже волосы на спине!

Или:

- Моя душа нуждается в спасении. Вы меня не исповедуете после броска?!

К концу третьей четверти тренер команды из Христианской школы попросил тайм-аут и пожаловался судье на Полковника, сердито тыча пальцем в его сторону. Мы проигрывали со счетом 56: 13. Полковник встал:

- Что такое? Проблемы какие-то?!

Тренер заорал:

- Ты моим игрокам мешаешь!

- ТАК В ЭТОМ-ТО И СМЫСЛ, ШЕРЛОК! - прокричал Полковник в ответ.

Судья выгнал его из зала. Я ушел с ним.

- Меня уже тридцать седьмой раз подряд вышвыривают, - сообщил он.

- Хреново.

– Да. Раз-другой мне приходилось идти на реально безумные выходки. Однажды я выбежал на площадку секунд за одиннадцать до конца и спер мяч у противников. Не очень-то хорошо это смотрелось. Но мне надо свою звезданутую репутацию поддерживать.

Полковник бросился бежать, радуясь своему изгнанию, и я потрусил за ним по пятам. Мне тоже хотелось быть звезданутым, хотелось быть ярким человеком и постоянно отжигать. Но пока я просто довольствовался знакомством с такими людьми, которым был нужен так же, как комете нужен хвост.

за сто восемь дней

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ доктор Хайд попросил меня задержаться после урока. Представ перед ним, я впервые осознал, насколько он ссутулился, и он вдруг показался мне очень грустным и каким-то старым.

– Тебе нравятся мои лекции, да?

– Да, сэр.

– На обдумывание теории буддистов о всеобщей взаимосвязи у тебя есть целая жизнь. – Учитель говорил так, словно весь текст написал ранее, выучил наизусть, а теперь читает по памяти. – Но глядя из окна, ты упустил не менее интересное положение буддизма – их рекомендацию в любой момент повседневности находиться в настоящем, присутствовать в текущем мгновении. Быть на уроке. А потом, когда он закончится, присутствовать там, – сказал он, указывая кивком головы на озеро и холм.

– Да, сэр.

за сто один день

В ПЕРВОЕ ЖЕ ОКТЯБРЬСКОЕ УТРО я понял, что что-то не так, как только у меня хватило сил подняться, чтобы выключить будильник. Постель как-то странно пахла. И ощущения тоже были какие-то непривычные. Через минуту туман в голове более-менее рассеялся, и до меня дошло: мне было холодно. То есть, по крайней мере, маленький вентилятор захотелось выключить.

– Холодно! – заорал я.

– О боже. Сколько времени? – раздалось сверху.

– Восемь ноль четыре, – ответил я.

Полковник, у которого будильника не было, но который почти всегда просыпался и принимал душ до того, как прозвонит мой, свесил с кровати свои коротенькие ножки, спрыгнул и бросился к комоду.

– Похоже, возможность принять душ я уже проворонил, – сказал он, надевая зеленую футболку баскетбольной команды Калвер-Крика и шорты. – Ну и ладно. Всегда можно отложить на завтра. И не холодно. Градусов двадцать семь есть.

Хорошо, что я спал в одежде – мне оставалось лишь обуться, и мы с Полковником разбежались по классам. Я изящно плюхнулся на свое место: у меня было еще двадцать секунд в запасе. Когда на середине урока мадам О'Мэлли повернулась к доске и принялась что-то писать, Аляска передала мне записку:

Хорошо взлохматился. В обед пойдем заниматься в «Макдоналдс»?

У нас всего через несколько дней намечался первый серьезный тест по математике, поэтому Аляска собрала шестерых ребят из нашего класса, которых она не считала выходниками, и утрамбовала в свою крошечную голубую двухдверку. В результате довольно удачного стечения обстоятельств у меня на коленях оказалась весьма симпатичная девушка Лара, которая училась тут уже второй год. Она родилась в России или типа того и говорила с легким акцентом. Поскольку нас от этого самого отделяло всего четыре слоя одежды, я воспользовался такой возможностью и представился.

– Я ти-ибя знаю. – Она улыбнулась. – Ты друг Аляски из Флори-иды.

– Ага. Подготовься отвечать на идиотские вопросы, потому что в математике я ноль, – предупредил я.

Она собралась было что-то ответить, но ее вдруг с силой прижало ко мне: Аляска очень резко сорвалась с места.

– Дети, познакомьтесь с Голубым Цитрусом. Его так зовут, потому что он «лимон»[7 - «Лимонами» в Америке называют автомобили, у которых после покупки обнаруживается серьезный дефект.], – сказала Аляска. – Голубой Цитрус, это дети. Может, вам лучше пристегнуться, если отыщете ремни. Толстячок, тебе, наверное, разумнее будет послужить ремнем для Лары.

Машина была не очень быстрой, и, чтобы компенсировать этот недостаток, Аляска не снимала ногу с педали газа. На последствия она плевать хотела. Мы еще не выехали с территории кампуса, а Лару уже мотало из стороны в сторону на каждом повороте, поэтому я последовал совету Аляски и обхватил девушку за талию.

– Спаси-ибо, – еле слышно проговорила она.

Быстро, хоть и безрассудно лихо домчавшись до «Макдоналдса», от которого до нас было около пяти километров, мы заказали семь больших порций картошки фри на всех, вышли и сели на газон. Мы расположились кругом, поставив подносы в центр, и Аляска начала вести урок, во время которого она курила, а мы ели.

Как и любой хороший учитель, она требовала строгого порядка. Аляска целый час без остановки курила, ела и говорила, а я записывал все в тетрадь, и постепенно мутная ранее тема тангенсов и косинусов начала проясняться. Но не всем так повезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Шутка основана на том, что имя героя Miles созвучно слову «мили» на английском языке.

2

Окра (иначе – бамия) – овощная культура, стручки, по вкусу среднее между баклажаном и спаржей.

3

Как вы говорите по-французски? (фр.)

4

Прошедшее сложное (фр.).

5

Человек, читающий рэп.

6

Устройство для курения, сделанное по типу кальяна, но приспособленное специально для каннабиса.

7

«Лимонами» в Америке называют автомобили, у которых после покупки обнаруживается серьезный дефект.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhon-grin/v-poiskah-alyaski-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)